ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ЕЕ РУКАХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление *Екатерины Ферез*

Ранее книга издавалась под названием «Ради большой любви»

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Жизнь и смерть в ее руках : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой).

ISBN 978-5-17-152569-9

Малика на распутье. Ее бывший криминальный покровитель по кличке Гриб велит убить местного олигарха Князева. Пять лет назад, когда семья бедствовала и Малика готова была пойти на панель, бандит вынудил девушку стать русской Никитой. А Князев когда-то спас от смерти ее мать, дав деньги на операцию. Пусть он сделал это походя, даже имя просительницы не запомнил, но знаменитая киллерша помнит добро. И принимает самое опасное решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152569-9

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Подперев щеку ладонью, директриса вздохнула, будто с похорон пришла, и с жалобной ноты начала:

— Опять пришел наш мент за данью. Пойди к нему. При тебе он стесняется обдирать нас, да и заходит-то на тебя посмотреть.

— Мне что, уволиться? — пыхнула Маля.

— Я ж не к тому, — протянула Валентина Григорьевна. — Он теперь и без тебя будет дань собирать. По привычке. Иди, он в сборочном, а я его видеть не могу.

На смуглых щеках Мали выступил матовый румянец негодования. Мент Витя, обеспечивающий порядок на данном отрезке улицы, раз в неделю заходил в кондитерскую, чтобы выйти отсюда с набитыми сумками в количестве четырех штук. По две ходки делал, не ленился. Если не дать ему энное количество сладостей — он устроит налет с привлечением бандитской пацанвы.

— Не выходите из кабинета! — повелительным тоном бросила Маля и побежала в цех, пряча закрученные в спирали волосы под косынкой. В коридоре ее поджидала толстушка Зина. — Зинка, что у нас залежалось?

— Ириски... килограмма три... потом зефир...

— Тащи все, нагрузим нашего Витю.

— Несвежим?! — вытаращила испуганные глазищи Зина.

— Тащи! — прикрикнула на нее Маля и вошла в цех, где торты украшали кремом. Витю она сразу увидела, на нем же нет белого халата. Она нацепила на лицо игривую улыбку: — Виктор! Почему ты здесь? Упадет волос в торт, нас потом вместо него съест Роспотребнадзор.

— Да у меня волос-то немного, — поглаживая раннюю лысину, сказал он и тоже украсил наглую, жирную рожу сальной улыбочкой. — Здравствуй, Ма́лика.

— Витя, — повела она черными бровями. — Мое имя произносится с ударением на последний слог.

— Ай, — всплеснул он пухлыми и загребущими лапами. — Я забываю.

Алчные глаза Вити скользнули по ее фигуре, а Маля будто напоказ себя выставила: одной рукой оперлась о стол, отставив заманчивый зад и положив вторую руку на бедро. Круглолицая Малика, девушка явно с восточной примесью, с пухлыми губами, с черными глазами и выпуклыми формами, давно его прельщала. Но Витя знал: этот виноград пока зелен, потому лишь сглотнул слюну, облизнул высохшие губы. Девчонки в цехе, наблюдавшие за ними, захихикали, а Маля, обнажая два ряда ровных белых зубов, спросила:

— Ириски возьмешь? Свежие, мягкие, ну просто тают во рту. — Свежие ириски как раз твердые как камень, но чем больше они лежат, тем мягче становятся.

— Ну, пару килограммов... если ты настаиваешь...

— Три. Бери, Витя, три килограмма.

— А Валентина Григорьевна тебя не того?.. Кстати, где она?

— Ее нет. Ради тебя, Витя, приму нагоняй. Зина! — позвала она, глядя на него почти с обожанием. Влетела Зина, вытерла красное лицо куском марли и преданно уставилась на мента. — Подготовь для Вити набор...

— Уже готово... — шмыгнула носом та. — Завернуть?

— Заверну я сама. Идем, Витя.

Выйдя в маленькую комнату, где стояли многоярусные столы для готовых изделий, которые потом переносили в кафетерий и кондитерскую, она упаковывала в тонкую бумагу ириски, зефир, мармелад, пастилу — то, что подносила Зина. Витя вышагивал вокруг, задерживая плотоядный взгляд на аппетитных изгибах тела Малики. Когда Зина в очередной раз убежала, он квакнул:

— Ты сама как бланманже.

— Но я несъедобная, Витя. Отравишься.

Уж ему-то не знать. Однажды была слабая проверочная попытка пощупать, настоящие у нее выпуклости или подложенные. Ее реакция оказалась неожиданной: Малика схватила приставалу за это самое место со словами: «А у тебя есть чем? Не-а, не годится». Уничтожила его, он месяц не заходил в кондитерскую.

— Мне бы тортик еще... — застенчиво произнес он.

— Тортик? — улыбнулась Маля. — Зина! — Та, словно ждала за дверью, просунула голову в щель. — Тортик для Вити.

— Ага. — Та убежала и появилась снова с большой коробкой. — Вот.

Витя забрал сумки и коробку и пошел по длинному коридору.

— У, гад, — процедила Зина. — Чтобы у него кишки слиплись! Ой, Малика, он же всего две сумки взял!

— И тортик. Что за торт принесла?

— Как ты сказала... просроченный.

— Молодец. Может, его пронесет, а?.. — Обе заливисто расхохотались, через минуту Маля вспомнила: — Господи! Я же мужу не позвонила!

И помчалась к телефону, ведь с мобилы звонить дорого. Набрав номер, послушала гудки, а когда он взял трубку, торопливо заговорила:

— Ты пил? Меня задержали, мент Витя приходил за данью.

— Малек, ты зря отрываешься от работы...

— Не ворчи. Если я не напомню, ты забудешь принять лекарства. Через час надо еще таблетку выпить, помнишь? — Он вздохнул. — Не вздыхай. Звонила и буду звонить. Лялька пришла? Через полчаса укол надо делать.

— Не пришла. Придет, не переживай.

— Ну все, пока. Целую. — И Маля повесила трубку.

После работы она забежала в продуктовые магазины, нагрузилась под завязку. Сегодня выдали зарплату — деньги жгли карман, пришлось истратить значительную часть. Заскочила в аптеку, купила лекарства и шприцы, уложив все в сумку, зашагала уверенной походкой домой. Маля теперь твердо стояла на ногах, к тому же была довольна абсолютно всем, и это отложило отпечаток на весь ее облик. Теплый вечер первых дней сентября с робким и терпким запахом осени придавал ей дополнительные силы, усталости не было, собственно, кто устает в двадцать девять лет?

Пройдя под каменной аркой во двор, Маля от неожиданности остановилась и зажмурилась — по глазам внезапно ударил яркий свет фар. До этого она не подозревала, что на пути стоит автомобиль. Секундная пауза — и сумки из рук Мали вырвали, после чего ее подхватили под руки какие-то типы и затолкали в машину на заднее сиденье.

Шок был сильным, но Маля ни звука не проронила, ехала молча между двумя парнями, державшими ее за руки. Старалась дышать потише, чтобы по дыханию они не определили, в каком она состоянии. Маля не потеряла самообладания, лихорадочно соображала, кто эти люди и зачем ее утащили. Вдруг с первого сиденья развернулась туша,

в полумраке блеснув зубами, потом туша сказала самоуверенным тоном:

— Спокойно, Монтана, мы свои.

Она узнала этот голос, да и его владельца тоже, хотя он сильно заматерел. На миг закрыла глаза, чтобы собрать волю в кулак, потом открыла их и хлестко спросила:

— Что надо?

— Повидаться захотелось, — ответил он.

— Свидание нужно было назначить, — процедила Маля.

— Так ты ж не придешь, — скалился он.

— Руки! — рявкнула она, ударив локтями парней по обеим сторонам.

— Уй, е! — скрючило одного. — Прямо под дых...

Туша расхохоталась:

— Ну, Монтана, ни капли не изменилась. Скажи, че тебя потянуло к кастрюлям? Ты ж не для них склеена.

— Не твое собачье дело, Гриб, — заявила Маля, давая понять, что не боится их. На самом деле пульс ее участился в тот момент, как затолкали ее в машину, и до сих пор он не стал ровным. — Куда везешь меня?

— В укромное местечко. — Гриб отвернулся лицом, показав Малике аккуратно подстриженный затылок.

— Зачем? — задала она естественный вопрос.

— В любви буду объясняться, — сострил он.

Гриб — это была кличка и фамилия одновременно. За то время, что Маля не видела его, он отъелся до бычьих размеров. Гриб — законченное дерьмо, которое тюрьма уже не исправит, разве только могила, однако он обожает прикидываться культурным.

Остановились у лесопарка, там их ждала еще одна машина, но оттуда никто не вышел. Водитель включил свет в салоне, Гриб развернулся к Малике:

— Дело есть, Монтана.

— У тебя? — желчно спросила она. — Ко мне? У нас с тобой общих дел быть не может.

— Допустим, у тебя и не может, — осклабился он. — А у меня есть.

— Короче, — обозлилась она.

— Это другой разговор. Завалить надо одного...

— Я этим больше не занимаюсь.

— Займешься, никуда не денешься, — заверил Гриб. — Я предвидел такой базар. Твой дырявый муженек у нас. Сестричка тоже.

— Что?! — потеряла самообладание Маля.

— Да не пыли, — скривился он. — С ними будет порядок, вернем тебе их в сохранности, когда дело сделаешь. Считай, что они у нас как в камере хранения.

Рядом раздалось дегенеративное ржание, она покосилась на длинного и трясущегося в приступе хохота недотепу, потом снова приковала взгляд к рыжей роже Гриба. Молчала.

— Не веришь, да? — ухмыльнулся он, набирая номер на мобиле. — Дайте муженька. Держи, Монтана.

Она схватила телефон, поднесла к уху:

— Это я, Малика...

— Малек? — послышался голос мужа, который, судя по интонации, нервничал. — Не волнуйся, с нами все нормально. Мы не дома, Малика...

— Знаю. Постарайся не волноваться, все будет хорошо, слышишь? Я верну вас домой, верь мне, Кеша.

— Ну, хватит. — Гриб грубо вырвал трубку. — А то я зарыдаю горючими слезами, честное слово. Убедилась, что я не блефую?

— Ты... — сквозь стиснутые зубы прошипела Маля. — Если с ними что-нибудь... я из тебя решето сделаю.

— Ух, Монтана, такая ты мне нравишься, — хохотнул Гриб. — Ну, так как?

Она скрипнула зубами от ярости, отвернула лицо в сторону, но, увидев прыщавую рожу

дегенерата, еле сдержалась, чтобы не заехать по ней кулаком. Потом перевела тяжелый взгляд на Гриба, тот удовлетворенно крякнул:

— Я знал, что мы поладим. Значит, завалить надо...

— Срок, — процедила Маля, ведь выбора не было. Вести переговоры и взывать к совести подонка — только зря тратить время, уж она-то знала Гриба неплохо.

— Надо управиться за неделю. Мы подготовим операцию, тебе останется...

Маля поднесла к носу Гриба кукиш. Дегенерат справа, которому она заехала под дых, угрожающе прорычал и поднял руку, мол, ща получишь! Но Гриб опередил его, стукнул по лбу, гаркнув:

— Ша! — Поскольку Маля так и держала кукиш перед его носом, он сфокусировал глаза на нем и вздохнул. — Монтана, я ж из братских чувств хочу помочь тебе.

— А я не нуждаюсь в помощи. — Она убрала кукиш. — Кого?

— Князева.

— Кого?! — второй раз потеряла самообладание Маля. — Ты хоть представляешь, кого ты...

— Представляю. Он сейчас без охраны, переживает плохие времена.

— Будто у нас бывают хорошие времена, — фыркнула Маля. — Да это невозможно, и вообще... я не в форме. Не помню, когда стреляла последний раз.

— Поупражняйся в тире. Но лучше задом перед Князевым покрути, губами пошлепай, он и присохнет, а там ты его красивенько сделаешь... У тебя же задница как орех, так и просится на грех. А губы, как у негритоски...

— Князева! — огрызнулась Маля. — А меня потом куда? В тюрьму или на тот свет?

— Потому и поручаю тебе это сложное дело, что ты вывернешься, — благодушно улыбался Гриб. — Учти, Монтана, не сделаешь его, мне придется твоих...

— Поняла! — гаркнула она. — Где сумки? — Один из ее сторожей поднял с пола пакеты, Маля вынимала упаковки и бросала их на колени сторожу справа. — Моему мужу надо пить по часам лекарства, уколы сделает Ляля, передашь ей все это.

— Ответь, Монтана, на один вопрос, который теребит мою душу с тех самых пор, как ты обзавелась кастрюлями, — заворковал Гриб. — На хрен тебе эта плесень? Хочешь, вдовой тебя сделаю? А потом утешу, у меня на тебя всегда стоит.

Он протянул свою лапищу, нежно взял Малю за грудь. Она опустила глаза на его руку и совершенно спокойно сказала:

— Убери клешню.

Гриб тоже ее хорошо знал, поэтому шутливо отдернул руку, будто ожегся, и улыбнулся, демонстрируя вставные зубы (свои-то давно выбили). Маля подалась к нему, ее рот очутился у губ Гриба, после чего она продемонстрировала свои собственные зубы в зловещей улыбке:

— Если мой муж не вернется ко мне живым и невредимым, я не решето из тебя сделаю, Гриб, а сито. И Ляльку попробуй обидь со своими дегенератами.

— Сейчас обижаешь меня ты. Я слово держу.

— Я тоже. — Маля откинулась на спинку сиденья, глядя на Гриба из-под приспущенных век, переменила тон на деловой: — Мне нужно две недели.

— Две? Многовато. Ну, ладно. Два выстрела сделаешь, второй, как водится, контрольный. Когда убаюкаешь Князева, ствол не бросай, отдашь его мне, он бабок стоит. Получишь десять тонн. В твоем положении кондитерши и сестры милосердия это офигенное богатство. А твоя плесень и сестричка все это время будут у нас.

— Вот и сдувай с них пылинки.

— Отвези ее домой, — бросил Гриб водителю, а на двух парней сорвался: — Чего расселись? Выметайтесь! Монтана, два выстрела, помни. До встречи.

— Ольмисанми*! — проворчала Маля.

Обратную дорогу она смотрела в окно и ничего не видела, от ярости сжимала кулаки, длинные ногти впивались в кожу, причиняя боль. Иногда физическая боль куда легче внутренней. За пять лет Маля подзабыла свое прошлое, которое временами казалось ей чьей-то чужой жизнью. Пять лет назад случилось чудо, настоящее и сказочное, заставившее Малю поверить, что добро существует — бескорыстное, искреннее, щедрое. Но это было не то прошлое, которое по желанию забывается, о нем обязательно напомнят.

Маля вышла из машины, водитель протянул ей пистолет:

— Держи. — Она взяла и вдруг без слов приставила ствол к его виску. — Не заряжен. Бери обоймы, Монтана. Для тренировок.

Маля забрала обоймы и сказала:

— Убирайся, эчки**. Не искушай.

Хихикнув, водила дал по газам. Маля поднялась на этаж, вставила ключ в замок, но дверь была не заперта. Ей стало понятно, как забрали мужа с Лялькой, — они сами открыли Грибу и его дегенератам, ну а те не потрудились даже закрыть квартиру. Она вошла в темную прихожую, включила свет, в комнате села на старый скрипучий диван, опустив плечи. Просидев так очень долго, позвонила:

— Извините, Валентина Григорьевна, за беспокойство...

— Да ничего, ничего, Малика. Ну ты и насмешила всех! Зинка рассказала, как вы всучили Витьке залежалый товар. А если он отравится?

— В сортир побегает, наглеть перестанет. В случае претензий с его стороны скажите, что у него развилась аллергия от неумеренного потребления сладостей.

---

* Чтоб ты сдох! (*узбек.*)

** Козел (*узбек.*).

— Сама скажешь, у тебя лучше получится.

— Валентина Григорьевна, я не приду на работу в понедельник... и еще несколько дней. Возможно, долго не приду...

— С Иннокентием Николаевичем что-то?..

— Да, с Кешей. Он... ему нехорошо. Я должна с ним посидеть, так что сами напишите заявление на отпуск за мой счет.

— Занимайся мужем, а я выпишу тебе материальную помощь.

— Спасибо.

2

Поздним субботним вечером вышибалы подхватили Князева под белые рученьки и вынесли из ресторана, по-доброму совестя:

— Нехорошо, на вас это не похоже. Напились, буяните. Вызвать такси?

— Не надо, — мотнул головой Князев, повиснув на плечах вышибал. — Я на машине. Я с-сам...

— Нельзя вам за руль, Пал Палыч, — сказал один из вышибал, поставив Князева на ноги, но тот сразу же завалился на него. — Спокойно, спокойно...

— Ты мне? — промямлил Князев. — Я сы-покен.

— Пал Палыч, вызвать тачку, а? За машину не волнуйтесь, мы присмотрим, — уговаривал второй басом.

— Хочу сам... Доеду.

— Вы разобьетесь.

— Разо?.. — оживился Князев. — Я разо...бьюсь, да? Согласен.

— Дайте-ка его мне.

Оба охранника замерли, глядя на броскую девицу в короткой юбке, с аппетитными выпуклостями где положено, с закрученными в спирали волосами, ярко расписанную. Мысленно поставили клеймо: проститутка, причем дорогая. Но во-

зиться с пьяным, хоть и с завсегдатаем, не хотелось. Один ее предупредил:

— Он в нулях, тебе не повезло.

— Я знаю его, отвезу, — сказала Маля, оттеснив вышибалу и забросив на свое плечо безвольную руку Князева. — Идем, Павел Павлович.

— Куда? — очнулся тот.

— В машину, — увлекая его, сказала она. Охранники галопом помчались в ресторан, пока проститутка не передумала. — Переставляй хоть как-нибудь ноги, Пал Палыч, а то я не дотащу тебя.

Он был хоть и худой, но высокий, жилистый. Дойдя до машины, Князев зашарил по карманам, Маля его поддерживала. Нашел пульт, сосредоточился, и... автомобиль подал сигнал: открыто. Князев, шатаясь, распахнул дверцу и рухнул на подножку, потом взялся за голову обеими руками, поставил локти на колени. Маля остановилась перед ним, рассматривала его сильные руки и длинные пальцы, белобрысую и коротко стриженную голову. Кашлянула, чтобы обратить на себя его внимание. Он очнулся не сразу, словно кашель дошел до него через спутниковую связь с другого конца планеты, увидел перед собой женские ноги, провел осоловевшим взглядом снизу вверх и поднял брови:

— Ты кто? Эта... прости господи, да? У меня денег... фью. Извини.

— А ты соображаешь. Садись в машину.

Не надеясь, что он понял ее, она затолкала Князева на пассажирское место. Сама села за руль, поизучала приборы.

— Ты хочешь рулить?.. — ужаснулся он, схватившись пятерней за подбородок и упав боком на дверцу. — Крутить мою?.. А ты умеешь?

— «Оку» вожу, — продолжая исследовать приборы, сказала она. — Думаю, справлюсь.

— «Оку»?! У меня же автоматика с... Нет, у меня... эта... как ее... Электроника! Но можно